

МАРИЯ БОТЕВА

ТЫ ИДЕШЬ ПО КОВРУ

Две повести

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДАШИ МАРТЫНОВОЙ

Мария Алексеевна Ботева

Ты идешь по ковру (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23216689

*Ты идешь по ковру : две повести : [для ст. шк. возраста : 12+] / Мария Ботева ; [ил. Дарьи Мартьяновой]. : КомпасГид; Москва; 2017
ISBN 978-5-00083-173-1*

Аннотация

«Ты идешь по ковру» – новый сборник повестей молодого талантливого писателя Марии Ботевой.

...Не успеешь оглянуться – твоя подруга повзрослела, а тебя почему-то считает совсем маленькой. Неужели из-за этого прекратится ваша дружба? **«Ты идешь по ковру»** – рассказ о дружбе двух девочек, о сельских буднях, о первых подростковых бунтах и искренней поддержке.

...Однажды папа приносит домой щенка. Ну как щенка – одно недоразумение: такой маленький, что помещается в ладонь, спит и ест, а больше ничего не делает. С таким и гулять-то выйти стыдно. Увидят – засмеют. Но оказывается, что когда тебе есть о ком заботиться, жизнь меняется. И не только твоя – всей семьи. Об этом – повесть **«Несколько кадров для дедушки»**.

Мария Ботева – журналист, автор рассказов, стихов, сказок, пьес. Она стала лауреатом молодежной премии «Триумф» (2005) и финалистом Национальной детской литературной премии

«Заветная мечта» (2005–2006). Ее произведения вошли также в короткий список премии «Дебют» в номинации «Крупная проза» (2005). Сборник повестей «Мороженое в вафельных стаканчиках» вышел в издательстве «КомпасГид» в 2013 году, после чего был отмечен несколькими весомыми литературными премиями: Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру», Международная литературная премии им. В. Крапивина, список выдающихся детских книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой.

Содержание

Ты идёшь по ковру	6
Я иду по ковру	7
Квас перестоял	15
Смотрим с голубятни	20
Барон. И Пашка	23
Мы гуляем с Бароном	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мария Ботева

Ты идешь по ковру: две повести

Иллюстрации Дарьи Мартыновой

Ты идёшь по ковру

Я иду по ковру

Идея была хорошая и опять моя. Маринка считает, правда, будто надо говорить не «опять», а «снова», всё время поправляет меня.

Зануда, а про неё так и не подумаешь, с виду.

Я сказала однажды утром:

– Вот какая штука. Повторяй за мной: «Я иду по ковру».

Она как-то неохотно повторила, конечно, с утра какая-то грустная, хоть и каникулы.

– Ты идёшь, пока врёшь, – я сказала. Вижу, Маринка повеселела немного. Думаю: ладно, пусть не повторяет, а сама продолжаю: – Мы идём, пока врём. Он идёт по коврёт.

Знаю, как можно Маринку развеселить. Я эти ковры услышала по радио, Леонид Сергеевич очень громко включает звук в своих наушниках, вот и слышно. С тех пор мы все каникулы ходили по хлипким весенним тропинкам, повторяли это всё. Проваливались в снег, выдёргивали друг друга. Вытащит меня Маринка, я стою выколупываю снег из сапога, а она смеётся. Даже странно мне это – чего смешного, когда снег в сапоги набивается? А я наклонилась и не вижу, что по улице идёт наша Санна Ванна. Она останавливается и говорит:

– Веселитесь? А рассаду сегодня снова мне поливать?

Маринка перестала смеяться. А тут я голову подняла, го-

ворю:

– Да мы вот в школу идём как раз.

Маринка опять смеётся. И мне стало смешно. Санна Ванна только головой покачала и ушла, она с обеда, наверно, возвращалась. Вот учителям жизнь: надо в школу всегда ходить, даже в каникулы. Всё, я расхотела быть учителем, а ещё неделю назад собиралась когда-нибудь. Точно, расхотела. Пока мы дотопали до школы, все ноги в сапогах замёрзли, хоть идти-то нам всего ничего: мимо стадиона и дома культуры, потом дорогу перешли – вот и школа.

– Всё, я уже сама полила, – сказала нам Санна Ванна. – Чаю попейте, я нагрела.

Ушла куда-то, мы сидим пьём чай. Вдруг Маринка говорит:

– Тётя Катя всех покатит, перекатит, выкатит.

– Тётя Люба всех полюбит, перелюбит, вылюбит, – я продолжаю. Чай пусть немного остынет, а то очень горячий.

– А дядя Женя всех поженит, переженит, выженит! – кричит Маринка.

Тут Санна Ванна пришла и отправила нас домой. Мы наглотались горячего чаю и побежали. Даже кружки не стали споласкивать. Так и ходили в школу все каникулы. Санна Ванна перестала поливать рассаду, нас дожидалась. Нам же не трудно. В классе в ведре отстаивалась вода, мы набирали кружкой, а потом ложкой потихоньку поливали – чтобы не выбить нежные корешки.

Всю весну мы вспоминали эти ковры. И летом даже, немного покачиваясь на досках тротуара, шли и бубнили себе под нос: «Ты идёшь по коврём!» Специально снимали обувь, опять и снова убедиться, что деревянный тротуар может быть не только звонким, но и гулким. Особенно если идёшь босиком и закрываешь ладонями уши. Тогда в голове у тебя происходит такое: бум-бум-бум. Только осенью бросили, а всю весну и всё лето повторяли мы эти слова, иногда спорили о том, что имелось в виду. Спорили про ковры, а про тётю Катю и дядю Женю было всё ясно. Мне нравилась больше версия о коврах и поковрах. А Маринке – о вранье. Но из-за этого мы никогда не ругались, вот ещё. Уж лучше петь, просто здорово.

Правда, у Маринки нет слуха и все песни выходят противными, но она поёт всё равно. Если мы поём на стадионе или на остановке, прохожие побыстрее пробегают мимо нас, я заметила. Однажды мы сидели на рукоходе¹, и мой сосед, беззубый дядя Фима, не стал ускоряться, а остановился, чтобы послушать наши дикие песни – это мама их так называет: что вижу, то пою. Вот Маринка и пела:

---

¹ Автор с удивлением узнала, что не все знакомы со словом «рукоход». Рукоход – гимнастический снаряд, который развивает мышцы рук. Он похож на лесенку, которая не стоит, а лежит, только не на земле, а на длинных ногах. Нужно подпрыгнуть (или забраться по одной ноге как по канату) до одной из перекладин, взяться за неё руками. Ходьба по рукоходу – перехватывание руками этих самых перекладин, движение вперёд. На рукоходе можно сидеть сверху, если крепко держаться за него.

– Мы на рукохо-оде-е! Дед Ефим идёт! Ведро своё-о несёт! Ведро си-и, си-и, си-ине-е-е!

Он слушал-слушал, а потом говорит: «Марин, ты бы не пела». И посмотрел на неё как-то непривычно. Жалостливо, что ли. Хорошо ещё, не сказал, будто Маринка нарушает мировую гармонию, он может. Она и без того засмушалась, а это трудно – смутить мою подругу.

– Мам, почему он такой? – иногда я спрашиваю про Ефима. Каждый раз этот вопрос про разное, но мама как-то догадывается. Она отвечает:

– Он думает, раз у человека выпали зубы, значит, так и надо. Нечего поправлять то, что сделала природа.

Или:

– Ну, он считает, что в твоём возрасте надо ложиться спать не позже десяти.

Это мама сказала после того, как Ефим не пускал ко мне Маринку. Просто встал на пороге, загородил дверь в подъезд. Никак нам было не встретиться. Хотя у меня как раз не выходила домашка по математике, Маринка бы мне помогла. И вообще, у неё как раз вернулся папка, праздновал. Его посадили на пятнадцать суток, потому что кого-то обругал в городском автобусе, чуть не подрался, удержали. Он берегов не чует, приходится расплачиваться. Так мой папка говорит. Ну, Маринке самое время было бы у меня посидеть, а может быть, и остаться на ночь. Но дед Ефим стоял несгибаемо. Я сама уже выходила в подъезд, уговаривала. Потом вышла ма-

ма, просто отодвинула его, Маринка и вошла. Ефим потом с мамой неделю не разговаривал, мама только посмеивалась, говорила:

– И хорошо, устанешь его слушать, каждый раз одно и то же, заведёт про свою Прибалтику. Или Приднестровье? Про что он рассказывает, Оль?

Прибалтику свою вспоминает всё. Но и про Приднестровье тоже говорит, как там стреляли, война была. Мне сначала было интересно, но всё одно и то же, и всё про войну. Трудно слушать. У Ефима нет зубов, и он шамкает, а руки в белых толстых шрамах, кожа как-то съёжилась. Руки летом темнущие из-за солнца, а шрамы белые. Говорит, это от войны. Говорит, никогда в жизни не ревел, только там, на войне, когда ему вытаскивали пулю из руки. Или из сердца? Не помню точно. Из руки, наверно.

Летом мы стали уходить в лес или к овощным ямам, там редко кто-нибудь ходит. Как-то сидели у ям, видим: идёт Ефим, тащит мешок за спиной. Я говорю:

– Давай следить, куда это он.

Так мы стали за ним следить, незаметно ходили за ним весь июнь почти. Летом дни длинные, а всё равно не так уж было много времени следить. По утрам ездим на прополку, автобус увозит прямо от администрации в хозяйство, на какое-нибудь поле. Или в теплицы, если дождь. Деньги только в конце лета, а городским рабочим, например, каждую неделю. Зато мы работаем не целыми днями, а по четыре часа.

Дома тоже прополка или чего-нибудь другое по огороду. Жуков ещё замучаешься собирать колорадских, противные, бе. Меня мама каждое утро будила, чтобы успела нарвать травы для кур до прополки в хозяйстве. Так я и заметила, что дед Ефим всё время ходит в одном направлении. Только он вышел из дома – я убежала к себе, звоню Маринке:

– Смотри в окно, может, он на остановку пошёл?

Она перезвонила через пять минут, говорит:

– Ничего не на остановку.

Нет так нет, я побежала дальше траву рвать, сама думаю: «Куда же тогда, куда, куда?» Всё равно разведаем. Так и следили.

Однажды Маринка нашла перчатку из толстой резины, жёлтой. Такие мы и хотели давно, для рогаток. Славка Маринкин говорил, что для рогаток это самая лучшая резина: хоть её и тянуть тяжело, зато пулька летит дальше. Почему-то в нашем магазине продавали совсем другие перчатки, разных цветов, но только тонкие. У нас с Маринкой давно была такая мечта: научиться стрелять из рогаток. Не знаю для чего. Мы эту резину еле привязали к рогатинам своим, так плохо тянется, потом стали думать, что использовать на пульки. Головки от одуванчиков летят еле-еле; камушками – больно, мы же не в Средневековье, чтобы камнями стрелять. А у нас дома целый мешок сухой кукурузы, мы иногда даём курам – она маленькая и твёрдая, как раз то, что нужно. Куда стрелять, мы тоже не думали. Вечером пошли в детский сад

погулять, а вокруг него забор глухой. Это мода такая появилась сейчас в посёлке – заборы глухие, прямо напасть. Рядом с садиком во дворе сидят бабушки. Тётя Сима, тётя Нюра, ещё кто-то, не помню уже. У нас в карманах кукурузы полно, ну, мы и стали стрелять. Не в них, конечно, рядом. Оказалось, кукуруза тоже плохо летит. Нам неудобно было, стоим на поперечных брусках с той стороны забора, держимся на одних носках, прижимаемся к доскам. Бабуси оглядываются, а мы в это время прячем головы, чтобы они нас не разглядели. Ещё родителям расскажут или в школе. Потом стрелять надоело. Стали кричать, специально голоса меняли:

– Бабуси!

– Бабки!

– Эй!

– Ого-го!

Они оглядывались. Потом кто-то говорит:

– Маринка, что ли?

Вот вечно так. Мы вместе что-нибудь делаем, а влетает Маринке. Обидно за неё. И дома обстановка не всегда хорошая: то братья чего-нибудь ей устроят, то папка. Она такой человек хороший, а всё ей достаётся.

Мы побрели потихоньку домой. Я ей предложила пойти ко мне заночевать. Мама не будет против, папка тоже. Но она пошла домой. Как-то странно проходило лето. За Ефимом мы не последили толком, всё он от нас успевал скрыться. И эти бабки ещё. Чего мы в них стреляли вообще, кукурузу

тратили?

Квас перестоял

Лето скучное снова, вот просто тоски кусок.

– Чего у тебя со спицами опять? – кричит Славка.

– Не опять, а снова. – Вдалбливаешь бесконечно этим несчастным, ничего не помогает. Опять двадцать пять! Они и с великами своими разобраться не могут.

– Дуботолка кусок! – это Славка снова. Тут я с ним почти согласна: надоел уже Сергуня со своими ремонтами велосипеда. Но и сам-то Славка не лучше. То у одного спицы полетят, то у другого вдруг «восьмёрка» нарисуетя. Так всё лето и живут. Не надо изображать из себя экстремальных гонщиков, вот что я скажу. Придумали ездить в город к трамплину, там по сосновым корням на великах скакать. Здесь будто мало им корней.

Скучное лето и холодное. Мне тепло подавай. Купальный сезон мне подавай круглый год. А тут семнадцать градусов – вот тебе средняя температура. По крайней мере, так главный по погоде объяснял по телику.

– Маринка! У нас проблемы!

Ну вот, конечно! У них там спицы повылетали, резиновый клей заплатки не приклеивает, а мне в город тащиться. Отлично придумано! И главное, как я уеду, у них тут же всё исправится, не раз замечено. Мне же Ольга рассказывала, как они тут разъезжают по всем Шиховым, горя мало. Неудоб-

ное название у нашего посёлка всё-таки: Шиховы. «Ты откуда?» – «Из Шиховых». «Я все Шиховы обошла». «В Шиховых живут шиховяне». «Шиховы всех перешиховят». Нет, какое-то шершавое название.

В город мы поехали с Олькой. Как раз успели с прополки. Пришлось на автобусе, у нас-то великов нет. У Ольки есть, у меня нет. Это значит – надо просить у братьев. А толку? Ломают постоянно. Плеваться каждый раз хочется на них, я каждый раз сдерживаюсь. Такая вот я молодец. Целый молодец.

– Злыдни кусок, – сказала мне Олька. Легко ей говорить, – пожила бы с такими братцами, посмотрела бы я на неё. Она снова повторяла какую-то свою присказку – то ли про ковры, то ли про белые снежинки, новое у неё увлечение. Где только берёт? И не надоедает же. Удивительно, как человек может сто раз повторять одну и ту же шутку!

– Я иду по ковру, я иду по ковру, – повторяла она, пока я не ответила.

– Ты идёшь, пока врётся, – я ей сказала. Хотя я слышала эту присказку уже миллион раз, всё равно мне почему-то она нравится. Точно мамка говорит, что Олька мне какая-то родня. Так и есть.

– Мы идём по коврём, – сказала она.

Я посмотрела в окно. И Олька посмотрела. И мы увидели серую собаку. Она сидела на обочине и чесала у себя за ухом. Сидит чешется, горя мало. Будто ни одна машина мимо не

едет.

– Слушай, если бы ты была собакой, то какой породы? – спросила Олька.

– Никакой.

Вот и город, нам выходить через три остановки. Сейчас снова буду стоять на стройке, у калитки. Мне вызовут отца. Он выйдет хмурый, спросит, где братья. Вот что ему ответить? В Шиховых, где они могут быть со сломанными великами?

Так и было.

– А Славка и Серый где? – первым делом спросил отец.

– Их Санна Ванна за горло взяла, говорит: «Там стулья расшатались, посмотрите».

Хорошо, что Олька каждый раз меня ждёт за забором, не показывается. Она бы сейчас вытаращила глаза на пол-лица, отец бы догадался, что вру. «Я иду, пока вру», – повторила я про себя. Привяжется же какая-нибудь ерунда! Олька, наверно, на улице повторяет свои заклинания, вот и я туда же. Так бывает, у нас мысли совпадают иногда, проверено. Надо братьям эту версию рассказать, про стулья, а то отец спросит дома.

– Квас перестоял. Забродил².

– Как – забродил?

---

² Квас, если его не покупать готовым в магазине, можно приготовить дома. Он настаивается на квасном сусле, хлебе, сахаре. Но напиток может испортиться, если в нём будет слишком много сахара или если он будет слишком долго настаиваться. Тогда квас может превратиться в алкогольный напиток – брагу.

– На солнце, наверно. Передай мамке, что перестоял.

– Давай вылью! – Я хотела забрать у него бутылку.

– Сойдёт! С устатку хорошо! – Отец допивал уже его. Полтора литра четырьмя глотками – не слабо, да? – Есть ещё?

Ну, всё. Приехали. Мы три месяца каждый день привозили ему обеды, мамка самое лучшее всё готовила: котлеты крутила, картошку жарила. Суп в термос наливала, чтобы не остыл. Мамка даже специально стала короткие дни брать, чтобы успевать всё. Как только тётя Лида справлялась без неё с бесконечными бумагами? Маеты с этими обедами, конечно, по горлышко, как говорится. Ну ничего, зато отец работал, не отвлекался ни на что. Но это счастье не могло продолжаться вечно. Ничего не скажешь, начинается у нас весёлая жизнь. Каникулы. Холодное лето.

Всю обратную дорогу меня Олька спрашивала, чего я грустная. Я терпела-терпела, а потом как скажу:

– Вам не понять, вы не любили!

Олька так и согнулась пополам от смеха. Ничего не стоит её рассмешить, такой характер. А у меня вот кошки скребли.

– Мамка, – сказала я дома, – квас перестоял.

Мамка побледнела. Только что была весёлая: удалось заставить Сергуню и Славку окучивать картошку – на второй раз. А теперь вот я новость принесла. Всё как-то опять нарушается и летит непонятно куда. В чёрную пропасть. С зеленоватым оттенком, лето же.

Так и вышло. Отец ночевать не пришёл. На следующий

день мамка сама повезла ему обед. Ей сказали: «Если до конца недели проспится, пусть приходит. Хорошо работает, жаль, если не вернётся».

Потом вывели отца – он еле стоял на ногах. Мамка его за-толкала в автобус и домой привезла. Вот скучно мне было в начале лета – можно подумать, теперь повеселимся. До конца недели! Тут бы хоть до сентября продержаться. А потом в школу пойдём, меньше будем его видеть. Хорошо, что мамка его зарплату получила, всё равно он там уже не появится, это точно.

Смотрим с голубятни

Здорово всё видно с этой голубятни, и зря Сергунька говорил, будто там всё в птичьем помёте. Ну да, в помёте, только в старом и сухом. И не всё: нижний край окошка, например, чистый и даже блестит, уже весь вытерт рукавами Маринкиных братьев, но теперь-то уж мы там будем хозяйничать, их не пустим, пусть гоняют на своих великах. И Кондрашкину не пустим, и Комариков тоже. Хотя Кондрашкину, может, и пустим, она смешная. Голубятня стоит на холме и высотой почти как двухэтажный дом, а сбоку, на самом верху, есть ещё клетка для голубей, будто веранда. Так что всё видно с высоты, все Шиховы. Окно маленькое, и нам приходится смотреть в него по очереди или стоять рядом и видеть наполовину. Это потому, что в клетку заходить страшно – вдруг отвалится от остального здания, – да и в клетке сидеть неохота, мы же не звери в зоопарке. Но всё равно даже в половине окна как-то получают все Шиховы, полностью. Это какая-то загадка.

Оказывается, у нас тут красиво. А я раньше не догадывалась, и Маринка не догадывалась тоже. Ей-то вообще очень понравилось, она даже закрыла от радости глаза. А потом открыла и долго смотрела на посёлок. У неё такое стало лицо, как будто она на день рожденья получила целый арбуз и может теперь его ложкой есть и ни с кем не делиться.

Маринка долго смотрела из этого окна. Если бы я не побывала тут накануне, давно бы оттолкнула её и уставилась сама. Потом она заговорила:

– Санна Ванна грядки полет. Вон, у школы. Ефим снова с мешком куда-то потащился. И с лопатой ещё. Сюда топает, слушай. А вон тётя Сима в садик идёт. Куда это она во время рабочего дня уходила?

– Может, вторая смена?

– У новых ипотечников вон ковёр выбивают. Прикинь!

– Ковёр у них! – соглашаюсь я. – Хлопают ещё.

– У нас вообще-то тоже ковёр был, – говорит Маринка. – Не знаю, куда делся. Смотри-ка, хлев-то им зачем? Корову, что ли, заведут?

– Может, лошадь? Это конюшня!

Я всё время хочу, чтобы у нас была лошадь. Можно и голубей завести, конечно, но лошадь лучше. К тому же от голубей много опасностей – так мне папка говорит. Но мы никогда лошадь не купим, дорого больно.

– Колбаса-а! Это бывшие лошадки! – заорала Маринка. Я даже отскочила от неё, так громко. Но ипотечники всё равно не услышат – новые дома далеко построены. Я точно бы не услышала.

– Комарики, ко-ма-ри-ки! – заорала я в окно. Не люблю я про колбасу. – Пейте, пейте мою кровь!

– А зачем, зачем она нужна! Раз кончилась любовь! – допели мы уже вместе с Маринкой. Нет, далеко до тех домов.

Зато Санна Ванна на школьном огороде заозиралась. Услышала, что ли? Ну и ладно, пусть слушает.

– Смотри-ка, Ефим нас заметил, – сказала Маринка и помахала ему рукой.

Ефим шёл к нам, точнее к голубятне. Опирался на лопату. Странно, взял бы лучше простую палку – во дворе у нас валяется, я видела. На спине он тащил какой-то мешок, нет, рюкзак-колобок. Тяжелоющий, это было видно, Ефим еле ноги переставлял, хоть и с лопатой. Кирпичи у него там, что ли? Мы уже не смотрели на посёлок, а только на деда. А зря. Потому что так бы я увидела, как к нам в Шиховы въехал Барон в специальном фургоне.

– Слезайте с моей голубятни! – закричал дядя Фима, как только подошёл поближе. Мы с Маринкой рванули вниз. У меня одна нога старалась бежать быстрее другой – я так гнала, что растянулась прямо перед Ефимом. Маринка меня подняла и дальше бежит. В другое время я бы ещё долго хромала, а тут так напугалась деда, что и не поняла, как сильно расцарапала ладони и колени.

– Комарики, комарики! Пейте, пейте мою кровь! Зачем, зачем она нужна! – орали мы и бежали к дороге. – Раз кончилась любовь! – уже проговорили мы и остановились. В самый ближний двор посёлка ипотечников заводили коня!

– Колбаса-а, – тихонько протянула Маринка. Ворота ипотечников закрылись. И у меня вдруг зачесались от боли ладони.

Барон. И Пашка

Понятно, теперь мы будем торчать на этой голубятне всё лето. Точнее, это Олька будет там торчать. Ну, и я заодно с ней, – не бросишь ведь подругу. Но я так, приходит только буду. Из солидарности. С этой голубятни всё отлично видно, все Шиховы. Красотища! Если просто ходить по посёлку, то ничего такого особенного в нём нет. Ну, дома. Магазин, садик, почта. Ну, дом культуры. Тропинки опилом засыпаны. Зато с высоты всё меняется. Посёлок становится немного незнакомым, но всё равно остаётся каким-то родным, что ли. Лето хоть видно с высоты. Всё такое зелёное, и дышит! И тропки эти, с опилом, очень кстати. Как-то всё ладно получается в посёлке, я даже удивилась. Вот идёт моя мамка в огород, а на другом краю Шиховых Петролиум из сада возвращается. А в это время мой сосед новый окно открывает. Или, когда магазин на обед закрывается, почта открывается и автобус как раз приходит из города. Есть гармония в мире, не всё одни комары. Надо, пожалуй, сказать Ефиму, а то он что-то очень беспокоится.

Олька стала каждый день ходить на голубятню. Заберётся туда, смотрит на двор ипотечников: ждёт, когда коня выведут. Нет бы пойти к ним, познакомиться. Пустили бы её, точно. Ольку все пускают, куда она хочет. Если ей надо. У неё обаяние от природы, так мамка говорит. Мне бы такое оба-

ание, я бы уж не терялась. Надо тебе с конём познакомиться – иди и знакомься. Может, разрешат кормить его или даже кататься. Она не умеет, правда. И я не умею. Вот вместе бы и учились. Каждый день ей это толкую.

– Нет, – говорит, – стесняюсь. Неудобно что-то.

– Бестолковки кусок, глупошара, – отвечаю ей, – иди и всё.

Как-то говорю:

– Давай я схожу! Мне не трудно.

Она так глаза подняла, а они такие несчастные. И сама она – ну просто бедняжечка. Ну её. Спустилась с голубятни, пошла, оглядываться не стала. Думаю: «Пойду сейчас к озеру, вода должна же прогреться наконец, середина лета почти!» Слышу, она за мной бежит. Закричала:

– Я сама! Я сама!

И вперёд меня к новосёлам бежит, чуть не падает – опять босоножки не застегнула. Вот и пойми.

Подошли к воротам. Олька остановилась как вкопанная, стоит. Постучать боится. Вдруг слышим – кто-то там разговаривает, парень какой-то.

– Ма-ам! Когда у нас его заберут?

А что ему там отвечают, не слышно. Парень с досады взвыл. Непонятно: то ли никогда не заберут, то ли вот прямо сейчас. Кого и куда забирать должны, тоже неизвестно. И как самому-то парню больше нравится? Олька сделала страшные глаза, палец к губам приложила, чтобы я молчала. Подумаешь! Не сильно и хотелось говорить! Я открыла калитку, во-

шла. Во дворе стоит парень, как я ростом, на меня уставился. Из дома какая-то тётка вышла. Ничего такая, симпатичная. Волосы чёрные у обоих – цыгане, наверно. Смотрят на меня, молчат. Не здороваются. Тут Олька ещё зашла. Встала за мной, говорит:

– Здрасьте! Мы соседки ваши, я вон в том доме живу, двухэтажном, а Маринка тут совсем близко, на Родниковой.

Смотрю, эта тётка заулыбалась, а парень как-то подхихикнул. Понятно, сработало Олькино природное обаяние.

– Да ты выйди! – вдруг парень сказал. Куда выйди?

– Отойди от калитки-то! – это женщина объясняет. – Шаг в сторону сделай!

Кому она говорит? Мы с Олькой шагнули, влево.

– Да нет, ты в другую тогда сторону! – это парень снова.

В другую так в другую – я шагнула, и Олька. Только непонятно, чего мы тут ходим туда-сюда. Странные какие-то люди – ипотечники, одно слово. Смеются ещё. Тут этот парень подходит, Ольку за руку взял и рядом со мной поставил.

– Так, – говорит, – вас обеих видно теперь. А то не поймёшь, кто говорит.

Ясно. Олька же за мной стояла, вот они её и не видели. Все остальные-то к нам уже привыкли: я высокая, Олька низкая. Олька обыкновенная, а я тощая, с меня штаны всё время слезают. Ольке всё идёт, любая одежда, а я каждый раз на рынке мучаюсь, выбираю что попримечнее. Над нами раньше все смеялись, теперь уже устали, но дразнят до сих пор.

Штепселем и Тарапунькой. Я как бы Тарапунька, а Олька – Штепсель. Или путают. Она – Тарапунька, а я – Штепсель.

– Вы прямо как Дон Кихот и Санчо Панса, – сказал этот парень. Высказался всё-таки. А я-то думаю, давно нам никто про наш рост не говорил.

– Только вы обе стройные, – продолжает он и руку мне протягивает. – Паша. А это мама, Катя.

– Марина, – говорю. Что это он как маленький: «мама Катя»?

– А меня – Оля. Это у тебя конь живёт? – Правильно Олька поступает: сразу к делу!

– У меня, – Паша сказал. – Это Барон, его так зовут.

И повёл её в конюшню. Я тоже за ними пошла, понятное дело. Всё же не зря Ольке лошади нравятся, уже два дня! В конюшне было темновато, конечно, но глаз у коня светился усиленно. Можно сказать, сверкал на весь сарай. Чёрный блестящий глаз смотрел на нас с Олькой, а я смотрела на него. Только никак не могла понять, понравились мы этому глазу или нет. Потом Барон повернулся, и мы увидели другой глаз. Такой же блестящий, задумчивый какой-то. Мне понравились глаза, оба. Может, я бы долго ещё в них смотрела, но тут Олька спросила:

– А цвета он какого? Тут не больно-то видно.

Паша взял коня за поводья и повёл во двор. Вместе они шли тихонько, а когда открылась дверь, оказались в ярком свете. На секунду они сверкнули, как светится пыль в сол-

нечных лучах. А потом снова стали обыкновенными. Никогда такого не видала! Олька стояла с открытым ртом.

– Видала рыжего? – спросила она и убежала за Пашкой и Бароном. Я тоже за ними пошла.

Мы гуляем с Бароном

Теперь я буду думать о Бароне и Пашке, всё время. До этого я всегда, каждый день по нескольку раз, думала о Маринке да о дяде Фиме. О школе ещё, то есть о том, что надо учить уроки. О родителях, о маме. Ещё о Юрке Комарике. А больше-то о ком так уж сильно думать? Братьев-сестёр у меня нет, никаких. Про других людей думала редко. Например, про одноклассников думаешь только тогда, когда их видишь или идёшь в школу. Ну, или когда они что-то не то делают. У нас, например, есть Надя Кондрашкина, она всё время какая-то странная: то принесёт вампирские челюсти и сидит в них так на природоведении, то скачет на одной ноге всю перемену. Я раз попросила у неё челюсти на математике, тоже их вставила в рот, но меня Наталья заметила, выгнала из класса. А когда мы на одной ноге прыгали, я на Санну Ванну налетела. Потом долго о ней вспоминала – какой у неё мягкий живот, даже если случайно врежешься. Но и то в тот раз я думала больше о том, что Маринка сделала умное лицо, когда меня ругали, будто сама нисколько не прыгала. Правда, она доскакала только до туалета и там осталась.

А теперь у меня появились ещё новые мысли. Про Барона и Пашку. С Бароном более-менее понятно: он прямо сумасшедше самый лучший. Не сказать словами – вот какой, мы так с Маринкой решили. Рыжий, зубастый, глаза огром-

ные, грива и хвост чёрные. Я договорилась с Пашкой, что буду приходить кормить коня, кормить и чесать. Правда, когда конь в стойле, у него зубы такими большими кажутся, страшно, так что ухаживать за ним мы будем вместе с Пашкой. Или Маринкой. Мне больше нравится просто выходить с Бароном из ворот и медленно идти к реке или к озеру. Лучше к реке, а то Петролиум возмущается, что конский навоз валяется у озера, грозит заставить убирать. Он может, он же брат председателя. Конь ходит по берегу, потом ложится на траву. Надо будет попробовать сходить с ним за лисичками. Интересно, лошади могут искать грибы? Мне нравится гладить его лоб, а Маринка всё время смотрит в глаза, всегда, когда не купается. Пашка Барона, кажется, не очень-то любит, всё ждёт, что его дядя заберёт. Тогда место в сарае освободится, и Пашка там устроит себе какую-то мастерскую, он просто без ума от разной техники. Каждое утро он садится поближе к Максим Семёнычу, водителю автобуса, и они всю дорогу до полей разговаривают про двигатели, свечи, натяжение каких-то ремней. Маринкиным братьям он починил велики в два счёта, но Маринка недовольна, потому что теперь Сергуня и Славка с них вообще не слезают, катаются круглыми сутками. Ещё Пашка любит компьютеры, фотоаппараты, всё время что-то разбирает, собирает, чинит. Мы возвращаемся из хозяйства и сразу идём к нему, хоть он немного кривится, говорит, что устал, уходит в дом, и всё. Часто мы с Маринкой сами прогуливаемся с конём. А если

Пашка идёт с нами, то берёт какой-нибудь старый сотик, возится с ним, на Барона и внимания не обращает.

И вообще, он странный, этот Пашка. Вроде бы живёт в квартале ипотечников, а сам с нами ездит на прополку, деньги зарабатывает и тоже их не тратит, как мы с Маринкой. И учиться будет в нашем классе, хотя остальных ипотечников родители возят на машинах в городские гимназии и лицеи. Пашка говорит немного не так, как мы, его Маринка всё время поправляет – она не любит, когда неправильно. Но у него всё равно какой-то акцент не наш, они с мамой приехали из другого города, и он его постоянно сравнивает с нашими Шиховыми. По его словам выходит, всё у нас по-другому. И консервы в магазинах расставляют иначе, чем у них, и автобусы слишком маленькие, и деревья растут не такие. Я даже иногда думаю, не с другой ли он планеты прилетел. Вроде бы живём в одной стране, не может же всё так сильно отличаться. Во всяком случае, я в это не верю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.